

3. **Грунвальд А.** Устойчивое развитие. Экологическая политика между требованиями долгосрочного планирования и проблемы акцептации // Последствия научно-технического развития. – М., 2000.
4. **Надежность** // Словарь по экономике и финансам, 2007. – Режим доступа: <http://slovari.yandex.ru>, свободный. – Заглавие с экрана. – Яз. рус.
5. **Степин В. С.** Теоретическое знание / В. С. Степин. – М., 2001.
6. **Хабермас Ю.** Наука и техника как идеология / Ю. Хабермас. – М., 2007.
7. **Arnstein S. R.** A ladder of citizen participation / S. R. Arnstein // Journal of the American Institute of Planners. – 1969. – № 35 (4) – P. 216–224.
8. **Barben D.** Analyzing acceptance politics: Towards an epistemological shift in the public / D. Barben // Public Understanding of Science. – 2010. – № 19 (3).
9. **Broerse J. E. W.** Requirements for biotechnology development: The necessity of an interactive and participatory innovation process / J. E. W. Broerse, J. F. G. Bunders // International Journal of Biotechnology. – 2000. – № 2 (4). – P. 275–296.
10. **Caron-Flinterman F.** A New Voice in Science: Patient participation in decision-making on biomedical research / F. Caron-Flinterman. – Режим доступа: <http://dare.uvu.vu.nl>, свободный. – Заглавие с экрана. – Яз. рус.
11. **Evers A.** Über den Umgang mit Unsicherheit. Die Entdeckung der Gestaltbarkeit von Gesellschaft / A. Evers, H. Nowotny. – Frankfurt-a.-M., 1987.
12. **Flinterman F. J.** Patient Partnership in Decision-Making on Biomedical Research: Changing the Network / F. J. Flinterman and all // Science Technology & Human Values. – 2007. – Vol. 32, № 3.
13. **Flinterman F. J.** Transdisciplinarity: The New Challenge for Biomedical Research / F. J. Flinterman and all // Bulletin for Science, Technology & Society. – 2001. – Vol. 21, № 4.
14. **Flinterman J. F.** Experiential knowledge of patients / J. F. Flinterman, J. Voogd, J. F. G. Bunders // Unpublished manuscript / Department of Biology and Society. – Vrije : Universiteit Amsterdam, 2000.
15. **Gibbons M.** Science's new social contract with society / M. Gibbons // Nature. – 1999. – № 402. – P. 81–84.
16. **Gibbons M.** The new production of knowledge: The dynamics of science and research in contemporary societies / M. Gibbons, C. Limoges, H. Nowotny, S. Schwartzman, P. Scott. – London : Sage, 2008.
17. **Irwin A.** Misunderstanding Science? / A. Irwin and B. Wynne (eds.) // The Public Reconstruction of Science and Technology. – Cambridge, New York : Cambridge University Press, 1996.
18. **Nowotny H.** The Potential of Transdisciplinarity / H. Nowotny. – Режим доступа: <http://www.interdisciplines.org>, свободный. – Заглавие с экрана. – Яз. рус.
19. **Nowotny H.** The Need for Socially Robust Knowledge / H. Nowotny // TA-Datenbank-Nachrichten. – 1999. – Vol. 3–4.
20. **Perrow C.** Normal Accidents: Living with High-Risk Technologies / C. Perrow. – N.Y. : Basic Books, 1984.

В.К. СЕРЕЖНИКОВ О ПЛАТОНЕ КАК ВЕКТОРЕ РАЗВИТИЯ МИРОВОЙ ИДЕАЛИСТИЧЕСКОЙ ФИЛОСОФСКОЙ МЫСЛИ

**Л.Я. Подвойский
(Россия, Астрахань)**

Аннотация. В статье рассмотрена оценка философии Платона астраханским (по рождению) философом В.К. Сержниковым, представленная в книге «Очерки по истории философии» (М. – Л., 1929). Показано его уважительное отношение к Платону, несмотря на противоположность мировоззренческих взглядов. Подчеркнута оценка огромного влияния Платона на всю последующую мировую философскую мысль.

Annotation. The estimation of Plato's philosophy by Astrakhan (by birth) philosopher V.K. Serezhnikov presented in his book and devoted to the history of philosophy is considered in the article. In spite of the opposition in the world view his quite respectable attitude to Plato is shown. The valuation of Plato's great influence on the whole next world philosophical conception is pointed out.

Ключевые слова: В.К. Серезжников, Платон, античная философия, идеализм, оценка, учение, диалог.

Key words: V.K. Serezhnikov, Plato, ancient philosophy, idealism, estimation, doctrine, dialogue.

О признании определенных заслуг советского философа В.К. Серезжникова, уроженца Астраханской губернии [11(24).11.1873 – 27.06.1944], в области истории философии говорит хотя бы тот факт, что его имя упоминается в статье Б. Богданова, М. Иовчука, В. Каганова «Философская наука в СССР», опубликованной в пятом томе «Философской энциклопедии» (М, 1970). Обратим внимание на контекст этого упоминания: «Значительную роль в историко-философской науке сыграли начавшиеся с 1920-х гг. исследования античной философии. Советские ученые (В. Асмус, Г. Александров, А. Ахманов, Г. Баммель, С. Данелия, М. Дынник, А. Лосев, А. Маковельский, В. Серезжников, Б. Чернышев и др.) исследовали материалистические и диалектические традиции древней философии, раскрыли содержание борьбы материализма и идеализма в философии античного мира» [2, с. 367]. Без всякого преувеличения можно сказать, что соседство с такими именами (особенно именами В. Асмуса и А. Лосева) делает честь любому автору, занимающемуся исследованиями античной философии в целом и философии Платона в частности.

В соответствии со своим научным интересом проанализируем работу В.К. Серезжникова «Очерки по истории философии» (М. – Л., 1929), которой мы на данный момент располагаем, под углом зрения платонизма (рассмотрению подвергается не только параграф из этой книги, посвященный непосредственно Платону, но книга в целом, поскольку имя Платона в разных контекстах упоминается на более чем 80 страницах из 251 страницы текста). Интересно, что о каком бы периоде истории философии ни писал В.К. Серезжников, он довольно часто апеллирует к Платону, причем преимущественно как к авторитету в той или иной области философского знания. На наш взгляд, это хороший пример того, как, даже занимая совершенно противоположную мировоззренческую позицию, будучи приверженцем иного философского направления, можно уважительно относиться к тому или иному философу (в данном случае – Платону), честно и объективно отдавая ему должное, признавая за ним не только бесспорный личностный авторитет, но и то влияние (а в отношении Платона это влияние можно назвать огромным), которое было оказано им на всю последующую мировую философскую мысль.

Не случайно В.К. Серезжников, оценивая философию Платона, утверждает, что «Платон на все последующее время предопределяет идеалистическую философскую мысль. Им питались Средние века, особенно христианская церковь, в Новое время Кант, Гегель. Его воскресение наблюдается на Западе и теперь, в особенности в Германии, где разбитая в империалистической войне буржуазия ищет сильных личностей и думает почерпнуть для себя вдохновение в "Государстве" и "Законах" Платона» [1, с. 146–147]. Напомним, что это написано в 1929 г.

При этом следует учитывать и то обстоятельство, что в 1929 г. В.К. Серезжников как преподаватель диалектического и исторического материализма и истории философии на различных факультетах МГУ им. М.В. Ломоносова и Российской ассоциации научно-исследовательских институтов общественных наук (РАНИОН) никак не мог высказывать какие-то явные личные симпатии в адрес учения Платона, даже если таковые были. Дело в том, что это учение, как хорошо известно, в нашей стране было признано реакционным и «заклеймлено» в качестве такового не кем-нибудь, а самим В.И. Лениным еще в 1909 г. в работе «Материализм и эмпириокритицизм». Известно также, что в этой работе В.И. Ленин практически отождествляет идеализм с религией. Следует при этом заметить, что В.И. Ленин был далеко не оригинален в подобной оценке идеализма (в частности, он следовал за Л. Фейербахом). Вот и В.К. Серезжников констатирует, что «последовательный идеализм в философии неминуемо упирается в бога. «Ведь только бог – родоначальник идеализма!» – приводит он слова Л. Фейербаха [1, с. 8].

В целом В.К. Сereжников не очень «жалует» идеализм. Да и как это могло быть возможно, если он был твердо убежден в том, что «материализм и есть единственно истинная философия» [1, с. 9]. К сожалению, известная мысль В.И. Ленина о том, что марксизм не догма, а руководство к действию, на деле оказалась, мягко говоря, не очень действенной, тем более что философия по существу превратилась в служанку политики и идеологии (по аналогии со средневековым: «философия – служанка богословия»), а то и сама становилась идеологией. В те годы, когда писалась эта книга, философские дискуссии в нашей стране из научных дискуссий, как это было характерно для самого начала 1920-гг., довольно часто превращались в партийно-идеологические, со всеми вытекающими отсюда последствиями для проигравших, которые нередко становились «подследственными».

Не особенно жалуя, как мы уже отметили, идеализм в качестве философского направления, В.К. Сereжников при каждом удобном случае делает в его адрес выпады, давая ему порой довольно резкие характеристики, особенно когда дело касается противопоставления идеализма материализму. Например, в одной из сносок он пишет, что француз Брошар и итальянец Лосакко, опираясь на Секста Эмпирика, противопоставили сплошному *идеалистическому беснованию* [выделено нами. – Л.П.] Протагора здоровые и объективные мысли о его философии [1, с. 102]. Еще одним ярким примером «печати времени», характерным для этой работы В.К. Сereжникова, может служить следующая мысль: «Диалектический материализм Маркса сделал излишними всякую натурфилософию, всякую философию истории, всякую философию права и т.д.» [1, с. 9]. Трудно удержаться от того, чтобы не подчеркнуть этот факт. Как ни печально это осознавать, очевидно, что многих философов-марксистов того времени такое понимание философии Маркса превращало в догматиков, несмотря на их якобы приверженность диалектическому способу мышления, который, по определению, предполагает не догматическое и не абсолютно отрицательное, а именно критическое отношение к любому предыдущему учению.

Вернемся, однако, непосредственно к рассмотрению философии Платона и ее влияния на весь дальнейший ход философской мысли. Уже во «Введении» В.К. Сereжников подчеркивает, что «у Платона философия ищет "истину сущего" и в поисках за этой истиной покидает непостоянный и изменчивый чувственный мир, чтобы вознестись к вечному и неизменному миру идей» и решительно констатирует, что «от Платона собственно и начинается родословная идеалистической философии» [1, с. 4]. Затем он несколько уточняет свою мысль, замечая, что «идеалистическое направление в аттической философии начинается собственно с Сократа и завершается в системах Платона и Аристотеля. Сократ выдвинул теорию понятия, Платон развил ее в своем учении об идеях, которое воспринял в несколько исправленном виде и Аристотель. Философия всех этих мыслителей носит ярко выраженный реакционный характер [1, с. 31].

Оценивая учение элейцев (Ксенофан, Парменид, Зенон, Мелисс), В.К. Сereжников считает, что дуализм, зачатки которого проявились в разделении познания на чувственное и рациональное, нашел свое завершение у Платона в форме двух миров: мира разума, т.е. мира идей, и мира чувственного, т.е. действительного мира [1, с. 71]. Относительно диалектики у элейцев В.К. Сereжников говорит, что диалектическое разрешение противоречий они не только не нашли, но и не искали, зато «высшую диалектику мы находим у Платона в его «Пармениде» [1, с. 72–73]. Также приводится мнение Гегеля, высоко оценивавшего диалектику Платона, очень хорошо описанную в этом диалоге [1, с. 74].

Говоря о значении философии материалиста Демокрита, В.К. Сereжников приводит мнение Аристотеля, ставившего Демокрита выше Платона, и обращает внимание на то, что «как писателя уже древность ставила Демокрита наравне с Платоном. Но все многочисленные произведения его потеряны для нас», с явным сожалением замечает В.К. Сereжников [1, с. 84].

Примером взвешенного подхода В.К. Сereжникова к оценке некоторых положений Платона может служить отношение последнего к Протагору. Так, с одной сторо-

ны, В.К. Сержников обвиняет Платона, недружелюбно относившегося к софистам, в навязывании философским кругам извращенного, стереотипного представления об учении Протагора, который с легкой руки Платона превратился в крайнего субъективиста, наподобие Аристиппа [1, с. 100]. С другой стороны, В.К. Сержников отмечает, что относительно оценки Протагора в качестве древнейшего обоснователя политического учения демократии наши суждения питаются одним источником – Платоном и что в данном случае мы можем относиться к Платону, кажется, с большим доверием, ссылаясь на диалог «Протагор». В этом диалоге знаменитый софист не только обсуждает различные проблемы о происхождении государства, теорию наказания, учение о демократии, но и в известном «мифе» данного диалога строит прогресс человеческой культуры по восходящей линии [1, с. 108].

По проблемам власти, диктатуры и утопического государства В.К. Сержников усматривает определенную связь учения софистов и Платона. Например, в диалоге «Горгий», согласно В.К. Сержникову, Платон рассматривает взгляды Калликла, относящегося к так называемым младшим софистам, по проблеме теории власти и по существу согласен с ним в том, что в государстве необходим приход сильного человека к власти, что необходимо установление диктатуры. Именно это учение подхватил Платон, «идеалом политической теории которого в конце концов является та же диктатура: власть философов в "Государстве" – диктаторская власть» [1, с. 114–115].

По поводу жизни и учения Сократа основным источником В.К. Сержников признает Платона, в особенности его «Апологию Сократа», «Критона» и речь Алкивиада в «Пире» [1, с. 120]. Высокая оценка художественного стиля Платона дана В.К. Сержниковым в следующих словах: «Смерть Сократа высокохудожественно описана Платоном в конце "Федона". Сцена прощания с женой, с учениками и изображение последних минут Сократа – редчайший образец творчества, которому нет равного в мировой литературе» [1, с. 121].

Непосредственно Платону В.К. Сержников посвящает параграф объемом в двенадцать страниц, на которых в сжатой форме изложены факты внешней жизни, очередность появления диалогов на свет, основные разделы и аспекты обширного и глубокого учения великого античного мыслителя.

В диалогах, называемых сократическими («Лакес», «Евтифрон», «Протагор», «Гиппий меньший», «Горгий»), В.К. Сержников отмечает три основных направления мысли Платона, выходящие за пределы сократовского учения и составляющие в дальнейшем все содержание его философии. Во-первых, выдвинуто учение о бессмертии души; во-вторых, заложено начало своеобразной метафизики, исходящей из противоположности между вечным изменением и становлением, с одной стороны, и вечным бытием («бытием» в идеях), с другой; в-третьих, сделан намек на утопический идеал государства как цели человечества [1, с. 132].

Самое большое место в параграфе о Платоне В.К. Сержников уделяет диалогам, излагающим учение об идеях, что вполне оправдано с учетом философии Платона в целом. Первым называется диалог «Менон», в котором рассматривается сущность добродетели, а также возможность научиться тому, чего не знаешь. По словам В.К. Сержникова, в этом диалоге Платон пытается отлить в научное мировоззрение орфическое учение о душе и обосновать, почему добродетель, если она изучима, не может быть просто передана от одного человека к другому. «На этот вопрос, – подчеркивает В.К. Сержников, – Платон отвечает так: существует истинное знание и правильное мнение, к знанию вести другого может только тот, кто сам обладает им» [1, с. 133].

Произведениями, обладающими выдающейся высочайшей художественностью, называет В.К. Сержников диалоги «Пир», «Федр», «Федон», в которых рассмотрен вопрос о сущности, начале и судьбе души. В «Пире» произносятся хвалебные речи эросу – любви, но не чувственной любви, а любви как глубочайшему метафизическому стремлению человеческой души. В «Федре» рассмотрены происхождение и природа духовной любви, а в связи с нею и природа человеческой души [1, с. 133].

Основными диалогами в учении об идеях являются «Федон» и «Государство». Доказательствами бессмертия души обосновывается Платоном и существование идей.

Одно из доказательств сводится к тому, что всякое познание есть воспоминание. Согласно второму доказательству, если вещи могут быть равными, неравными, видимыми, осязаемыми, то красота, безобразие, равенство невидимы, неосязаемы и невосприимчивы с помощью чувств – подобно душе, которая тоже является внутренне родственной миру единого, самому себе равного, божественного, неизменного и непреходящего – отсюда и вывод, что душа так же бессмертна, как и идеи [1, с. 134].

Поскольку этого мало для доказательства существования души после смерти, то Платон обращается к последнему доказательству, которое вместе с тем приводит к самой основе учения об идеях. Начиная с полемики против натурфилософии, Платон упрекает ее в смешивании двух вещей: причины и внешней обусловленности, где скрыт двойной смысл. Во-первых, борьба против механического объяснения природы; во-вторых, отношение между двумя исключаящими друг друга противоположностями характерно для души и смерти так же, как для огня и снега [1, с. 135]. В учении Платона об идеях важное место принадлежит телеологии, согласно которой сложение простых идей вещей и самих вещей происходит наилучшим образом, т.е. в соответствии с идеей «блага», совершенства. Эта идея блага как действенная сила господствует над миром идей, она есть «идея идей», т.е. всеобщая сущность всех идей вообще. Поскольку каждая идея оказывается телеологически действующей силой, то идея блага уподобляется солнцу. Имеется в виду, что, как благодаря солнцу свет делает вещи видимыми для нас, силою блага, живущей во всех идеях, преобразуются высшие простые или абсолютные идеи в многообразие идей. Это сравнение с солнцем превращено затем Платоном в знаменитую картину пещеры о тенях, вещах и их сущностях (VII книга «Государства») [1, с. 136–137].

В.К. Сerezников отмечает, что в V, VII и X книгах «Государства» есть много важных дополнений к положениям в «Федоне». Например, вновь трактуется вопрос о знании и мнении. Диалектическое познание стремится подняться от каждого отдельного предмета к идее. В VI и X книгах Платон вводит третий под познания – математическое познание, помещая его между диалектическим познанием в собственном смысле и простым мнением, или представлением [1, с. 137–138].

К диалогам теоретико-познавательного характера В.К. Сerezников относит «Тезэт», «Парменид», «Софист», в которых Платон пытается защитить учение об идеях и углубить его теоретико-познавательные основы в полемике против других философских направлений. Сама теория идей при этом испытывает некоторые видоизменения. Так, в «Тезэте» главной темой является сущность познания или знания в отличие от мнения. Утверждается, что только мнение характеризуется как чувственное отношение к вещам, поэтому мнение не является познанием. Само же познание может быть определено как «истинное мнение». В «Пармениде» Платон вкладывает в уста Парменида критику учения об идеях. К этому диалогу примыкает диалог «Софист», трактующий о бытии, движении и покое, тождестве и различии, а к последнему примыкает «Политик», основное содержание которого составляет учение об истинном государственном деятеле [1, с. 138–139].

Представление о гносеологии Платона, согласно В.К. Сerezникову, коротко может быть изложено следующим образом. Вместе с Сократом Платон кладет в основу знания нечто всеобщее (или понятие), а задача науки сводится, таким образом, с одной стороны к образованию понятий, а с другой – к их расчленению. С помощью образования понятий мы приходим к действительно сущему, а с помощью их расчленения раскрываем внутреннюю связь в сущем. Согласно Платону, понятия, охватывающие сущее, приобретаются только мышлением, не имеющим отношения к чувственному миру. Истинное знание возможно только в отношении непреходящего множественного сущего, тогда как в отношении изменчивого, чувственного мира возможно только мнение. Метод, с помощью которого достигается истинное знание, т.е. познание сущего, Платон называет диалектическим.

Вывод, который делает В.К. Сerezников, гласит, что «Платон не разрешил и не мог, конечно, разрешить основную задачу своего учения об идеях, а именно: он не доказал, что то, что он называет сущим, покоится в последнем счете на идее блага.

Вместе с тем все учение повисло в воздухе» [1, с. 140]. И еще одно замечание делает В.К. Сereжников. Платон имеет дело с двумя мирами: 1) действительным, окружающим нас миром; 2) с трансцендентным миром, миром сущего или миром идей, в котором господствует идея блага. Поскольку ни трансцендентный мир, ни идея блага ничем решительно не обоснованы, а рассуждения о воспоминании как источнике знания и о бессмертии души основаны на мистике, а не на логических дедукциях, то в системе Платона налицо пункт, где логика прекращается и начинается мистика. Корни ее – в социальных отношениях Греции того времени, значит, система Платона несостоятельна по самой своей конструкции. [1, с. 140–141]. По поводу учения Платона о мире становления В.К. Сereжников подчеркивает, что все миропонимание Платона проникнуто телеологизмом, вступая в противоречие с научными достижениями своего времени в области естествознания, главным представителем которого был в то время Демокрит. Интересно, что полемика ведется без упоминания имени Демокрита, т.е. в скрытом виде [1, с. 141].

Известно, что социальная философия Платона представляет одну из наиболее исследуемых и востребованных частей его обширной философской системы. В изложении В.К. Сereжникова это выглядит следующим образом. В государстве Платона имеет место строгое разделение обязанностей между классами. Прежде всего, это резко отличные друг от друга классы: производящий класс землевладельцев и ремесленников и класс стражей, на которых лежит забота о защите государства извне и сохранении порядка внутри. Из стражей выделяется класс правителей. Каждый класс выполняет особые задачи и обладает определенными добродетелями: правители – мудростью, стражи – храбростью, земледельцы и ремесленники – самообладанием, подчинением и покорностью. «Справедливость» в этом государстве заключается в том, чтобы каждый класс четко выполнял «свое дело». Своему идеальному государству Платон противопоставляет четыре формы извращенного государства: тимократию (власть честолюбцев); олигархию (власть богатых собственников); демократию (власть недостойных, распущенных людей); тиранию (власть одного со своими страстями и стремлением к получению удовольствия). Убежденность Платона в возможности осуществления своего государственного идеала была подорвана неудачей в Сицилии, что привело к отказу от чисто философских принципов утопического государства. Он набрасывает в «Законах» картину государственной жизни, которая более соответствует действительным отношениям и историческому развитию. Здесь на первое место ставится закон, а не неограниченная воля избранных людей. Заметив, что переходной ступенью от «Государства» к «Законам» был диалог «Политик», В.К. Сereжников обращает внимание на то, что здесь Платон набрасывает проект откровенной диктаторской власти одного или немногих, тогда как в «Законах» этого нет. В «Законах» диктатура немногих предстает перед нами в завуалированной форме, ибо здесь главенствует безличный закон. Последней целью государства в «Законах» является гармоничное образование души и тела и подражание всему божественному [1, с. 141–144].

Влияние философии Платона на мировую идеалистическую философскую мысль имело место во все последующие эпохи, хотя и с разной степенью интенсивности. В.К. Сereжников приводит ряд примеров. Так, по его мнению, неоплатоническая система, будучи последним философским созданием древности, искала тесного приобщения к Платону и его учению об идеях, но в ее понимании идей как мыслей единого бога, как истечения мира из него (учение об эманации) и в ее понимании логоса заключались основы для совершенно новой точки зрения [1, с. 195]. Еще один интересный пример. Неоплатоник Плотин с позволения императора Галлиена пытался создать в Кампании утопическое государство философов по идее Платона (Платонполь) [1, с. 196]. В.К. Сereжников также говорит о том, что «средневековый спор об универсалиях своими корнями уходит в греческую философию...» По Платону, как известно, идеи ведут «надземное существование. Аристотель же превращал идеи в формы, имманентные чувственно воспринимаемым вещам» [1, с. 207]. Средневековый мыслитель Аделяр Батский в области психологии находился под влиянием Платона и Августина [1, с. 218]. Далее, византийская философия, по словам В.К. Се-

режникова, представляя собой незначительное явление, носит энциклопедический характер, и представители ее следуют то за Платоном, то за Аристотелем [1, с. 223]. Кстати, заметим, что в Киевскую Русь (Россию) философия в целом, а значит, и философия Платона, пришла во многом через посредство Византии. Платона, замечает В.К. Сержников, вместе с Аристотелем переводили на персидский язык [1, с. 225]. В эпоху Возрождения платонизм нашел в Италии многих последователей, среди которых был Георгиос Гемистос, впоследствии названный Плетоном. Платонизм возрожденцев часто является неоплатонизмом, и их стремление свести Платона к Плотину показывает, что они не понимали обоих философов [1, с. 247]. И наконец, Томас Мор в своей знаменитой утопии набрасывает план идеального государства по образцу Платоновой республики [1, с. 250].

Влияние Платона на идеалистическую философию продолжается и сейчас и будет продолжаться в будущем, поскольку в принципе невозможно представить философию без великого Платона.

Библиографический список

1. *Сержников В. К.* Очерки по истории философии / В. К. Сержников. – М., 1929.
2. *Философская* энциклопедия / гл. ред. Ф. В. Константинов. – М., 1979.